

Чжу Чэнцзы не знал, что для Цяо Наня присмотр за Чжу Баогуо сродни присмотру за сыном.

"Хорошо, я не буду об этом говорить. Меня меньше всего интересует тусовка с Ван Яном. Это Ван Ян всегда держался за меня дома, обращаясь ко мне как к своему брату. Он даже подал жалобу дедушке, сказав, что я его игнорирую. Какой хитрый, лживый и злобный подлый мальчик!" Ребенок Чжу Баогуо использовал все возможные негативные выражения, чтобы описать Ван Яна, желая, чтобы Чжу Чэнцзы понял, что Ван Ян был плохим человеком.

Чжу Чэнцзы прижимал губы, создавая тонкую линию. "Вы должны действительно учиться у Цяо Нань; в частности, учите у неё китайский язык". Я верю, что она определённо пришла бы в первую очередь для своего сочинения".

Цяо Нань мог бы рассказать ему об иероглифе Ван Яна и его поведении в одном предложении, но его сын должен был использовать все придуманные им выражения для описания Ван Яна. Чжу Чэнцзи нашел это забавным.

Их стандартами были разные миры.

"Ты знаешь, в какую среднюю школу ходит Цяо Нань?"

"Сяо Цяо сказал мне давно. Это средняя школа Пин Чэн".

"Разве школа, связанная с китайским университетом Рэнмин, не лучше?"

"Сяо Цяо сказал, что если она учится в средней школе Пин Чэн с ее результатами, она может быть освобождена от оплаты за обучение и случайных сборов". Семья Сяо Цяо не очень хорошо справляется со своими обязанностями, а ее мать - дура. Она потратила все деньги, которые они попросили у дедушки, чтобы он организовал обучение ее сестры в средней школе, присоединенной к Китайскому университету в Рэнмине. Если у нее не было возможности, она не должна настаивать на учебе там. Она, должно быть, дура. Но самый большой дурак - Сяо Цяо. Ее сестра могла бы потратить все сбережения, которые у них были дома, так почему же она должна откладывать деньги на семью, обучаясь в средней школе Пин Чэн и получая стипендию? Она слишком милая и слишком филиальная. Это то, что мы называем бесспорным филиальным благочестием!"

Чжу Баогуо был доволен и гордится собой, что умеет точно использовать выражения. Время, проведенное с Сяо Цяо не было потрачено впустую; его китайцы значительно улучшились.

"Бесспорная филиальная набожность?" Чжу Чэнцзи дал осмысленную улыбку. "Баогуо, после изучения китайского языка в течение такого долгого времени, знаете ли вы смысл фразы "ни одно яйцо не может остаться неразбитым, когда гнездо расстроено"?"

Юная леди не была глупой. Наоборот, она была очень умна.

Цяо Дунлян был единственным кормильцем семьи Цяо. Если бы с ним что-нибудь случилось, не говоря уже о Цяо Нань, обе сестры не смогли бы продолжить учебу.

Цяо Нань облегчил Цяо Дунлян задачу, чтобы у нее была возможность учиться.

Если бы эта молодая леди была в хорошей форме, она стала бы хорошим солдатом в армии. Она очень быстро сообразила.

Может показаться, что она была в невыгодном положении, но на самом деле, даже если она не получила никакого преимущества, она защитила свои собственные интересы, по крайней мере.

В такой тяжелой ситуации, Цяо Нань была в состоянии защитить свои интересы в самом лучшем случае. Ее нельзя было недооценивать.

Цяо Нань приложил все усилия, чтобы продолжить учебу, но у его собственного сына были мозги, но не хватало мозгов. Чжу Чэнцзи не знал, что сказать.

По правде говоря, с таким шлифовальным камнем, как Ван Ян в семье Чжу, он должен был увидеть некоторые улучшения в Баогуо, но реальность доказала, что он ошибался.

"Хорошо, мы приехали". Чжу Чэнцзи похлопал сына по плечу. Чжу Чэнцзи затащил Чжу Баогуо в резиденцию семьи Чжу. К тому времени, как они добрались до дома, Ван Ян и Чжу Цинь нигде не были замечены.

Не упомянуть Ван Ян, даже Чжу Цинь был слишком постыжен для того чтобы остаться на резиденции семьи Чжу. Она была слишком опозорена, чтобы встретиться со своим племянником, Чжу Баогуо.

Чжу Баогуо проспал в день школьных экзаменов, потому что он ел фрукты, в которых были дозы снотворного.

Подумать только, что Ван Ян пришел с идеей замачивать плоды в снотворном осадке и заставил Чжу Баогуо съесть плоды... Не было никакой возможности сказать, что Ван Ян сделал это преднамеренно.

Даже если Wang Yang должен был аргументировать, что он сделал это потому что он беспокоился, что Zhu Baoguo будет слишком нервным, чтобы спать, и если он сказал Zhu Baoguo правду, то он не съест их - один мог сказать, что дозы были слишком высоки от того факта, что Zhu Baoguo упал в глубокий сон.

Это были снотворные. Если бы что-то пошло не так, на кону была бы жизнь.

Более того, как сказал Чжу Баогуо, такое совпадение, что в тот день в доме семьи Чжу не было никого, кроме Ван Яна, рассказывавшего всем, что видел, как Чжу Баогуо рано утром ушёл в школу, было почти невероятным.

Даже если бы у него была веская причина, нельзя было не заподозрить его. Кроме того, не только его причина была недостаточно хороша, но и была полна лазеек.

"Баогуо, ты вернулся?" Ван Ян и Чжу Цинь сразу ушли. Старейшине Чжу, которому некуда было идти, было неловко. Он не знал, что сказать, когда его любимый внук вернулся домой.

"О", - ответил Чжу Баогуо тупо.

"Вы с отцом познакомились с младшей дочерью семьи Цяо, не так ли?" Старейшина Чжу горько улыбнулся. Казалось, что Баогуо на него обиделся, но Ван Ян...

У старейшины Чжу была сильная головная боль. Он не знал, следует ли ему верить, что ошибка Ван Яна была совершена из благих намерений, или что он действительно питал злые намерения по отношению к своему кузену.

"Мы видели ее. Молодая леди довольно умна. Было бы неплохо, если бы Баогуо часто с ней зависал. Он мог бы учиться у неё, и в будущем ему будет нелегко против неё строить планы. Но папа, что касается Ван Цинлиня, нет необходимости думать о дальнейшем. Мы будем действовать по правилам. Его повышение будет зависеть от его способностей". Чжу Чэнцзи сел и налил чай старейшине Чжу и самому себе. Перед тем, как применить силу, он принимал мирные меры.

Старейшина Чжу всегда баловал свою дочь, Чжу Цинь.

Иначе старейшина Чжу не был бы так щедр к Ван Яну.

Чжу Чэнцзи всегда заботился о своем шурине, Ван Цинлине, из-за своей младшей сестры Чжу Цинь.

Большую часть времени он провел в армии, редко оставался дома. В армии он присматривал за Ван Цинлинем. Наоборот, сын Ван Циньлиня имел наглость издеваться над сыном в резиденции семьи Чжу.

Глаза Чжу Чэнцзи потемнели, когда он подумал о том, что Цяо Нань сказал ему сегодня.

"Чэнцзи, это нормально, когда молодые люди ссорятся. Ты не должен..." Старейшина Чжу поспешил замолвить словечко за своего зятя, когда услышал, что его повышение может пострадать.

Старейшина Чжу давно ушел на пенсию, и все передал своему единственному сыну, Чжу Чэнцзи. Чжу Чэнцзи был хозяином в доме, а не старейшиной Чжу. Когда все было сказано и сделано, старейшина Чжу был все еще отцом Чжу Чэнцзи. Таким образом, Чжу Чэнцзи не мог игнорировать слова своего отца.

"Папа, скажи это Баогуо". Если ты сможешь это сделать, я помогу с повышением Ван Цинлиня". Чжу Чэнцзи не был возмущен словами отца. Он сохранял спокойствие и самообладание, как будто старейшина Чжу не был на стороне Ван Цинлиня.

"Ох..." Старейшина Чжу хотел поговорить с Чжу Баогуо, убедив его помочь дяде.

Однако, когда он увидел, насколько зол Чжу Баогуо, он не мог заставить себя сказать ни слова. В конце концов, он был еще ближе к внуку, чем к внуку по материнской линии.

В прошлом старейшина Чжу всегда любил Чжу Баогуо. Он всегда ходил по своему желанию. Это стало привычкой. Он сделал исключение из-за сегодняшнего инцидента с Ван Яном. Если бы он хотел сказать что-то еще, старейшине Чжу было бы слишком многого просить.

Старейшина Чжу вздохнул, уступив Чжу Чэнцзи. Он не возражал бы против того, как Чжу Чэнцзи справился с повышением Ван Цинлиня.

"Папа, Чжу Цинь была замужней женщиной. Теперь она часть семьи Ван".

<http://tl.rulate.ru/book/25671/925982>